

ГРЕБЕНЮКОВА НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА

«Я СЧАСТЛИВ. Я ТВОРЮ...»: О ПОЭТЕ ВОСТОЧНОЙ ВЕТВИ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ НИКОЛАЕ СВЕТЛОВЕ

Статья продолжает серию работ, посвящённых поэтам восточной ветви русского зарубежья. Объект исследования — личность Н. Ф. Светлова в контексте литературной жизни русского Китая. Автор обращается к материалам Государственного архива Хабаровского края, к воспоминаниям Ю. В. Крузенштерн-Петерец, пишет о переводах поэта с китайского языка, анализирует отдельные стихи Николая Светлова из его сборника «Сторукая».

Ключевые слова: БРЭМ (Бюро по делам российских эмигрантов Маньчжурии), Н. Ф. Светлов (Свиньин), Иннокентий Петелин, Русская православная церковь, Казанско-Богородицкий мужской монастырь, Ориентальный институт, «Чураевка», А. А. Ачаир, Н. В. Петерец, Ю. В. Крузенштерн-Петерец, В. Ф. Перелешин, «Хлеб Небесный», «Рубеж», «Парус», «Кривое зеркало», фондовое собрание Гродековского музея, репатриация.

Keywords: BREM (Bureau for the Affairs of Russian Emigrants in Manchuria), N. F. Svetlov (Svinin), Innokenty Petelin, Russian Orthodox Church, Our Lady of Kazan Monastery (Kazan-Bogoroditsky Monastery), Oriental Institute, Churaevka, A. A. Achair, N. V. Peterets, Yu. V. Kruzenshtern- Peterets, V. F. Pereleshin, "Bread of Heaven", "Rubezh", "Parus", "Krivoe Zerkalo", Grodekov Museum collection, repatriation.

В судьбе поэта восточной ветви русского зарубежья Николая Фёдоровича Светлова (Н. Ф. Свиньин, 1910 г. – начало 1970-х (?) немало белых пятен. Неизвестно было, кто его родители, когда и где он родился. Во многих письменных источниках значится, что родился поэт во Владивостоке, был вывезен в Маньчжурию, что он сирота и воспитывался в Харбинском мужском монастыре.

Домыслы не имели под собой реальной почвы, и только материалы БРЭМовского архива, хранящиеся в Государственном архиве Хабаровского края (ГАХК), пролили свет на биографию, которую поэт по понятным причинам скрывал. В фондах ГАХК хранится дело его старшего брата, Василия Свиньи́на, сменившего фамилию, как и Николай Фёдорович, на более благозвучную — Светлов. В анкетах он пишет о судьбе своей семьи, о родителях, о братьях, и мы понимаем, что поэт не был одинок. Мать братьев Свиньиных, Василия, Николая и Михаила, Мария Степановна, была замужем за Фёдором (Василий не называет его отчества). После 1907 года родители перевезли его «из дер. Гродековка близ Верино Приморской области... в урочище Славянка. Отец служил учителем, там жили до 1910 года» [5, л. 29]. Мы узнаём, что в 1910 году семья переехала во Владивосток; тогда же, судя по анкете, и родился Николай. В 1914 году отец окончил «Восточный Институт и получил службу цензора на почте и телеграфе во время войны» [5, л. 29]. В 1915 году он был направлен в Николаевск-на-Амуре на должность инспектора рыболовства, и семья переехала в этот город. В 1920 году, «во время Николаевских событий, — пишет Василий, — отец был убит. Мы с матерью укрылись в тайге и только по приходу японских войск вернулись в совершенно сожжённый Николаевск и затем были вывезены японским пароходом через Японию во Владивосток. Оттуда брат матери Иннокентий Петелин вытребовал нас с братом Николаем в Харбин и взял нас на воспитание» [5, л. 29–29 (об.)]. Братья жили у отца Иннокентия Петелина и «оба учились в Коммерческом училище КВЖД» [5, л. 29–29 (об.)].

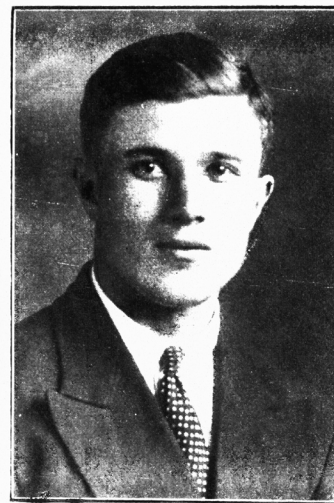
Иннокентий Степанович Петелин (1883–?) был родным дядей Николая; он окончил Иркутскую духовную семинарию в 1905 году и переехал в Маньчжурию; служил заведующим церковным отделом КВЖД, был членом Харбинского епархиального совета, проживал в Харбине, Кагаси (?) и в Дальнем. В 1930-х годах стал настоятелем Свято-Алексеевской церкви [4]. В 1948 году И. С. Петелин был репатрирован и получил 25 лет исправительно-трудовых лагерей; в 1996 году был реабилитирован. «Ни одна политическая партия не вызывала у советской власти такой нетерпимости, какую она проявляла к своему главному идеологическому противнику — Русской Православной Церкви. Именно Церковь, по мнению партийных руководителей, мешала “примирению”

власти с крестьянством... именно Церковь была для них непримиримым “врагом советской власти” и, следовательно, подлежала разгрому и уничтожению» [1, с. 103].

В анкетах Василия Фёдоровича не было ни слова о том, что Николай воспитывался в монастыре. В Харбине было два монастыря: Богородице-Владимирская женская обитель и Казанско-Богородицкий мужской монастырь — православный мужской общежительный монастырь Харбинской епархии. Он был основан в пригороде Харбина, в посёлке Гондатыевка, 4 (17) августа 1924 года и был крупнейшим духовным центром русской эмиграции в Маньчжурии. «За первое десятилетие, — писал декан и преподаватель богословского факультета при институте св. Владимира, секретарь Епархиального совета, редактор журнала “Хлеб Небесный” Евгений Николаевич Сумароков (1884 – после 1948), — монастырь обзавёлся своим трёхпрестольным храмом, общежитием, типографией, больницей, амбулаторией, баней и другими полезными и нужными для жизни монастыря учреждениями» [6, с. 90]. Вполне возможно, что во время отъездов отца Иннокентия по делам служения Николай и был на попечении старцев монастыря, но, вероятнее всего, он просто часто бывал в монастыре с дядей и получал там приют.

Уже в отрочестве Николай много читал, проявлял интерес к поэзии и «начал сотрудничать в газетах и журналах со школьной скамьи» [2, с. 114–114 (об.)]. Первые публикации молодого поэта — стихи, рассказы, очерки — появились в журнале «Хлеб Небесный» и его детских приложениях — «Детское чтение», «Маленькие друзья». Православный духовно-нравственный журнал «Хлеб Небесный» выходил с января 1926 года при Казанско-Богородицком мужском монастыре, близком Николаю; редакторами журнала были Ювеналий (1926–1936), Василий (1936–1938), Е. Н. Сумароков (1938–1946).

После средней школы будущий поэт окончил Харбинское реальное учи-

Мг. N. T. SVETLOFF.
Николай Фёдорович СВѢТЛОВ.

Окончил Харбинское Реальное Училище.

Студент 3-го курса Ориентального Института.

Начал сотрудничать в газетах и журналах со школьной скамьи. Сотрудничал в “Рубежъ”, “Рупоръ” и др. изданиях.

В Шанхаѣ с 1931 г.

Состоял секретарем журн. “Парус”.

В настоящее время сотрудничает в журн. “Прожектор” и газ. “Шанх. Заря”.

Организатор “Чураевки” и настоящей председатель ея Шанхайскаго отдѣленія.

Фотография Н. Ф. Светлова и сведения о нём из альбома В. Д. Жиганова «Русские в Шанхае» [2]

лице — там, главным образом, учились дети малоимущих русских эмигрантов. После три года учился в Харбинском институте востоковедения (Ориентальный институт): углублённо изучал восточные языки, впоследствии успешно переводил стихи современных китайских и японских поэтов и со временем стал одним из лучших профессиональных переводчиков.

Православие и русская классическая поэзия были духовной опорой русских эмигрантов. Известный исследователь культуры русского зарубежья Е. П. Таскина, которая родилась в Харбине и училась в гимназии Христианского союза молодых людей (ХСМЛ), вспоминала: «Секрет популярности поэзии... в том, что в ней на чужбине многие искали нравственных опор... Русская поэзия как часть духовной культуры помогала сохранить себя, свои русские корни...» [8, с. 27].

Харбин (и впоследствии Шанхай) был обителью талантливых русских поэтов. Важную роль в объединении поэтических сил Харбина играло литературно-художественное объединение «Чураевка», созданное в 1926 году поэтом и педагогом А. А. Ачаиром (Грызовым). Прозаик, поэт, журналист, автор мемуаров Ю. В. Крузенштерн-Петерец оставила воспоминания об Алексее Ачаире: «Абсолютно лишённый способности завидовать, он восхищался каждым чужим успехом, был умным, хотя, пожалуй, чересчур снисходительным критиком. Заниматься с молодёжью он мог часами» [3, с. 45]. Работа в студии проводилась два раза в неделю в здании Харбинского отделения ХСМЛ: по пятницам — студия, по вторникам — открытые вечера с докладами и музыкальной литературной программой. Крузенштерн-Петерец вспоминала в своей книге о «Чураевке» так: «Ачаир никому не отказывал в праве выступить в программе один раз. Но если новоиспечённый артист или поэт проваливался, второй раз в программу уже не попадал. А проваливались иногда с треском. Конфериновал обычно тоже очень юный тогда Коля Светлов, говоривший под конец вечера: “А теперь прочту стихи я, Коля Светлов”» [3, с. 49].

Серьёзное внимание на занятиях студии уделялось теории стиха: изучались теоретические работы В. Я. Брюсова, А. Белого, В. М. Жирмунского. На заседаниях «Чураевки» выступали с докладами на философские, литературоведческие, искусствоведческие, исторические темы известные деятели культуры. По темам выступлений велась свободная дискуссия; харбинские поэты читали свои стихи, которые порою подвергались жёсткой критике. В программу вечеров включались и музыкальные номера.

Руководил работой студии председатель Н. А. Щёголев, а с начала 1930 года председателем «Чураевки» стал Н. Ф. Светлов. В 1929 году шестью поэтами студии был издан первый сборник — «Лестница в облака» (Н. Алябьев,

Т. Андреева, Г. Копытова, В. Обухов, Н. Резникова, Н. Светлов). Авторы ориентировались на эстетику акмеизма, на школу Н. С. Гумилёва; книга открывалась стихотворением, посвящённым памяти этого поэта.

С 1929 года журнал «Рубеж» часто публиковал стихи Н. Ф. Светлова: «Осенние аккорды» (№ 38), «Девушке в кимоно» (№ 40), «Красота умирания» (№ 42), «На закате» (№ 43), «Нирвана любви» (№ 48), «Люблю» (№ 49) и другие¹.

В 1931 году поэты «Чураевки» издали сборник стихов «Семеро», в создании которого участвовали Л. Н. Андерсен, Н. А. Щёголев, Н. С. Резникова, Л. Ю. Хаиндрова, М. П. Шмейссер, Нина Ильнек, Н. Ф. Светлов. В сборнике были опубликованы его стихи «Открытка с родины», «Странный вечер», «Зимой», «Осенняя фантазия», «На улице».

В 1932 году объединение стало издавать ежемесячную газету «Чураевка», которую редактировал В. Ф. Перелешин. Николай Фёдорович писал критические статьи о поэтах Харбина и Шанхая, в том числе о творчестве А. И. Несмелова, В. Ф. Перелешина, Л. Н. Андерсен, участвовал в подготовке критических работ к памятным датам А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, готовил материалы о влиянии русских писателей на литературу зарубежья.

Многие из стихотворений Н. Ф. Светлова посвящены китайской теме. Среди них — «Цветок Ван-Хао», «На улице». Автор описывал реальный мир Китая, который был знаком ему с детства, включал в стихи образы Востока, адаптируя их к русской поэтической традиции, предавался философским размышлениям о вечности. В 1928 году в журнале «Рубеж» он опубликовал стихотворение «Раздумья в ночной тишине» — перевод произведения китайского поэта Ли Бая. В 1931 году здесь же были напечатаны его переводы стихов «Рыболов» Ли Бая и «Вдохновение» Цин Жуна. Строки последнего передают душевное состояние поэта-переводчика, его восторг и упоение нахлынувшим вдохновением:

*Я счастлив. Я творю. И не моя вина,
Что не с кем разделить мне радость взоров.*

В 1930 году за стихотворение «Пятна на Луне», написанное по мотивам старинной восточной легенды, Николай Светлов получил первое место на конкурсе русских поэтов Маньчжурии (поэту было 20 лет).

В 1931 году Светлов переехал в Шанхай. Художественная жизнь здесь была весьма насыщенной. Осенью 1929 года было организовано «Содружество русских работников искусства “Понедельник”», участники которого — художники, артисты и литераторы — собирались по понедельникам. С сентября 1930 по 1934 год издавался одноимённый литературно-художественный журнал, в работе которого

¹ Эти номера журнала «Рубеж» есть в ГАХК (№ 3196).

Виды Шанхая.

The Views of Shanghai.

The Bund.

Photo by Al-Fred.

Вид набережной, называемой в Шангае по-английски «Банд», сфотографированной с вышки сигналов, находившейся на границе Французской концессии и Мандучаю-го Соплякена. Слова на первом плане прочтутся следующим образом: «Виды Шанхая». Слова — вышка здания с парком, один из самых богатых в Шангае. Гемон-Шанхайской Банды за ним здание с вышкой. Банды (с часами) — Главное Управление Китайской Таможни еще дальше — смен вышкой здание на Банде — «Секретариат» на здании «Виды Шанхая» построены в 1934 г. двадцатилетний небоскреб «Босфор Мемориал». На Банде нет ни одного магазина, а большинство зданий — здания военных командования, консульств и банков. Банды являются центром, около которого сгруппированы сотни читальни и мистральные Банды. В здании Банды, находящийся на Банде и в прилегающих к нему район, хранится более 400 млн на 500,000,000 янсов. доллары серебром, что является значительной частью его мирового запаса.

Фотография «Виды Шанхая», страница из альбома В. Д. Жиганова «Русские в Шанхае» [2]

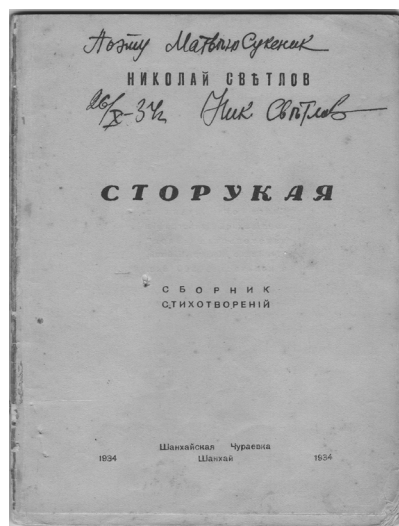
приняли деятельное участие Вс. Н. Иванов, А. И. Несмелов, Н. А. Щёголев, М. Ц. Спургот, В. Ю. Янковская, Л. В. Гроссе и Н. Ф. Светлов. В 1931 году в Шанхае вышел в свет литературно-политический иллюстрированный журнал «Парус» (издавался в 1931–1939 гг.), редактором-издателем которого был Д. И. Густав. В издании публиковались видные деятели эмиграции, в том числе Алексей Ачаир, Арсений Несмелов, Марианна Колосова, Ольга Скопиченко, Лидия Хаиндрова, печатались статьи об истории Сибири, о задачах эмиграции, стихи и проза. Секретарём журнала стал Н. Ф. Светлов.

В 1933 году поэты-чуряевцы, среди которых были Н. Ф. Светлов, Н. В. Петерец, Л. Н. Андерсен, М. Волин (М. Н. Володченко, автор знаменитого романа «Дорогая пропажа»), образовали «Шанхайскую Чуряевку». Светлов стал её председателем. В это время он сотрудничал с журналом «Прожектор», с газетами «Слово», «Новый путь», «Шанхайская заря»; редактировал просоветский сатирический журнал «Кривое зеркало», который выходил в Шанхае с 1931 года и выступал с критикой «японцев и некоторых деятелей Российского эмигрантского комитета, за что издателя неоднократно вызывали в полицию, где предупреждали о грозящем ему отзыве разрешения на издание. За несколько критических публикаций суд приговаривал Светлова к наказанию» [9].

В 1934 году «Шанхайская Чуряевка» выпустила сборник стихов Н. Ф. Светлова «Сторукая». Это редкое издание (тираж всего 300 экз.) представлено в фондовом собрании Гродековского музея. Обложку иллюстрировал известный живописец, дизайнер и прозаик Константин Андреевич Ла-

рионов (литературный псевдоним — Роман Алый, 1894–1940) — его инициалы и фамилия зафиксированы внизу обложки. Книга отпечатана в собственной типографии издательства «Заря» (774, Авеню Жоффр, Шанхай). На титульном листе — инскрипт с автографом Н. Ф. Светлова: «Поэту Матвею Сукенику. 26.X-34 г.» История, связанная с «поэтом Матвеем Сукеником», прелюбопытна и отсылает читателя к воспоминаниям Ю. В. Крузенштерн-Петерец о поэте Н. В. Петереце. «Студент Николай Петерец организовал целую ватагу “чучел” — отменнейших бездарностей, для которых писал стихи. Уговор был простой: вам слава, мне гонорар. “Чучелам” стихи были нужны, чтобы прельщать барышень или убеждать маму с папой, почему им не лезет в голову алгебра...» [3, с. 66]. К таким «поэтам», вероятно, и относился Матвей Сукеник.

Если обратиться к стихам сборника «Сторукая», можно почувствовать, что учёба в студии «Чуряевка» пошла поэту на пользу. Для усиления звуковой выразительности Н. Ф. Светлов использует в стихах разнообразные фоностилистические приёмы, которые придают речи яркую эмоциональную окраску, обогащают её многозначительными паузами, эмфатически выделяют слова — достигается это через интонацию, инверсию, повторы, лексико-синтаксические конструкции. Образность усиливается звукописью: «Мы бездомные странники, в утро жестокое...» — повторение свистящих зубных и назальных звуков, инверсия; «И на солнце, хотя бы сквозь слёзы, смотреть» — аллитерации и употребление конструкции «хотя бы», усиливающей паузу; «А ночью я, никчёмный и чужой, / Ищу чего-то в матовом тумане...» — повторение смычно-фрикативных звуков, которые отнюдь

Обложка и титульный лист сборника стихотворений Николая Светлова «Сторукая» (из собрания Гродековского музея)

не придают речи напевности, делается автором намеренно: лирический герой словно бы мечется в пространстве, не находя себя; кроме того, звуковой контраст звуков «и» и «у» — гласных переднего и заднего рядов (первый — самый высокий и напряжённый, второй — самый низкий, который ассоциируется с печалью) — создаёт картину напряжённой внутренней борьбы. Обращают на себя внимание цвета стихов сборника — их семь: алый, золотой, синий, чёрный, жёлтый, зелёный и белый. Предположительно, поэт был знаком с работами физиков и философов о цвете и свете.

В 1941 году Н. Ф. Светлов принял участие в подготовке сборника стихов, авторами которого были Лев Гроссе, Всеволод Иванов, Нора Кулеш, Валерий Одинцов, Вальдемар Перли, Николай Петерек, Николай Светлов, Леван Хаиндрава, Николай Щёголев. Это редкое издание, которому уже 85 лет, тоже хранится в Гродековском музее.

Творческая работа поэта была сопряжена с общественной: с 1937 года Н. Ф. Светлов стал членом Комитета по репатриации и редколлегии газеты «На Родину». Деятельность комитета была тесно связана с работой советских дипломатов в Китае; его члены собирали данные о настроениях

эмиграции. Многие эмигранты осуждали Н. Ф. Светлова за сотрудничество с Советским консульством. Ю. В. Крузенштерн-Петерек вспоминала: «Позднее он прославился своими доносами в Советское консульство. Я так и представляю себе его входящим в один из кабинетов, последним, конечно: “А теперь донесу я, Коля Светлов”» [3, с. 49].

В Шанхае Н. Ф. Светлов продолжал заниматься переводческой работой. В 1946 году в его переводе отдельным изданием вышла поэма крупнейшего китайского поэта XX века Ай Цина «К солнцу»². По словам Николая Фёдоровича, его перевод заслужил похвалу В. Ф. Перелешина [7, с. 6].

После 1946 года Николай Светлов уехал в Советский Союз. Как сложилась судьба поэта на родине, пока неизвестно — в литературных справочниках такой информации нет. Репатрианты из Харбина и Шанхая, как правило, находились под негласным надзором и редко продолжали заниматься творчеством, издавать свои книги. Возможно, Н. Ф. Светлов работал переводчиком, корректором или техническим редактором издательств, которые нуждались в знатоках восточных языков. Кто знает, может быть, со временем откроется и эта страница его непростой судьбы.

Список использованных источников

1. Баконина, С. Н. Церковная жизнь русской эмиграции на Дальнем Востоке в 1920–1931 гг. : на материалах Харбинской епархии / С. Н. Баконина ; Православный Свято-Тихоновский гуманитарный ун-т. — Москва : Изд-во ПСТГУ, 2014. — 390, [1] с.
2. Жиганов, В. Д. Русские в Шанхае [альбом] / В. Д. Жиганов ; ист. очерк Г. Сюннерберга. — Шанхай : Изд. В. Жиганова, тип. изд-ва «Слово», 1936. — [329] с. : ил.
3. Крузенштерн-Петерек, Ю. В. Воспоминания / Ю. В. Крузенштерн-Петерек // Россияне в Азии : лит.-ист. ежегод. — Торонто, 1998. — № 5. — С. 25–84.
4. Петелин, Иннокентий Степанович // Хисамутдинов А. А. Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке : библиограф. словарь / А. А. Хисамутдинов. — Владивосток : Изд-во ДВГУ, 2000. — С. 238.
5. Свиньин, В. Ф. Анкета // Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Р-830. Оп. 3. Д. 42516. Л. 29–29 (об.).
6. Сумароков, Е. Н. XX лет Харбинской епархии, 1922–1942 / Е. Н. Сумароков. — Харбин, 1942. — 133 с. — Книга находится в ГАХК. № 3167.
7. Таскина (Кириллова), Е. П. Письма и встречи / Е. П. Таскина (Кириллова) // Русская Атлантида. — Челябинск, 2015. — № 56. — С. 3–6.
8. Харбин. Ветка русского дерева. Проза. Стихи / [сост. Д. Г. Селькина, Е. П. Таскина ; вступ. ст. Е. Таскиной, с. 3–36]. — Новосибирск : Кн. изд-во, 1991. — 397, [2] с.
9. Хисамутдинов, А. А. Русский юмор и сатира в Китае / А. А. Хисамутдинов. — Текст : электронный // Вестник славянских культур. — 2016. — № 4. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-yumor-i-satira-v-kitae> (дата обращения: 09.04.2026).

Фотографии предоставлены автором.

Материал поступил в редакцию 08.04.2026.

Сведения об авторе: Гребенюкова Наталья Петровна, старший научный сотрудник Хабаровского краевого музея имени Н. И. Гродекова (Хабаровск).

Контактные данные: e-mail: suerte.09@mail.ru; тел. 8-909-806-67-06.

² Ай, Цин. К солнцу / Ай Цин ; пер. с кит. Ник. Светлова. — Шанхай : Эпоха, 1946. — 23 с.